

Лиана АЛЕВЕРДОВА

ДВЕНАДЦАТАЯ ЖИЗНЬ

Стихотворения

* * *

Еще до встречи мы разлучены.
Кому угодно было так - не знаю.
Наверно, правда, что судьба слепая.
Еще до встречи мы разлучены.

Мы нежностью, мы горечью пьяны,
а за спиной уже давно судачат.
Напрасно нам завидуете, знайте:
еще до встречи мы разлучены.

Когда твой взгляд я на себе ловлю,
тот взгляд, что восхищенно-долго длится,
чью музыку мы оборвать должны,
я понимаю, как тебя люблю.
Мне от твоих объятий не укрыться.
Еще до встречи мы разлучены.

* * *

Смеются вместе. Плачут - в уголке,
в кулак зажав обиды несказанность.
Я медленно училась слову "нет".
поскольку проповедовала жалость.
Я праздника по-девичьи ждала.
Судьба играла маской карнавальной.
Но слышу, как звонят колокола.
Хоть уши залепи, звонят печально...

ОТЦУ

Бредили оперой... Нина Валацци!
Жадно друг другу совали бинокли,
дружно влюблялись под грохот оваций
и под дождем за билетиком мокли.
В джазе лишь девушки? Все были в джазе!
Свитер с оленями, хрип саксофоний...
О, как недолго киношное счастье,
как недоступно, далеко от дома!
Плоские крыши и окна в решетках -
жаркое лето бакинских окраин.
Мальчик, инжир уплетающий ловко,
сидя на ветке. Не близко ли к раю?
Хлебные карточки стынут в карманах,
в очередях, бесконечно унылых...
Бледное детство лишь не унывало,
бодро сновало, ладони - в чернилах.

Долгие громы салюта и крики,
в крошечных двориках - столпотворенье.
Это - Победа. На праздник великий
тащит, кто может, чурек и варенье.
Бурно, транжиря язык и сноровку,
женщины ссорятся. Кто их рассудит?
Кто там подрезал чужую веревку?
Зема-ханум, вы свидетелем будьте!
Правда ль, что все утекло, позабыто,
жизни осталась какая-то долька?
Песни Утесова, Торрес Лолита...
Все это было, ведь было... и только.

ДВЕНАДЦАТАЯ ЖИЗНЬ

*Автору предсказали, что она живет
в двенадцатый и последний раз.*

Двенадцать раз стояла на краю
и мглу небытия грызя, буровя,
двенадцать раз сквозь перегной иль с кровью
я прозревала будущность свою.

Двенадцать раз, гадая у порога,
я вглядывалась в брезжущую тьму,
и вдаль стремилась утлая пирога,
покорная маршруту своему.

Двенадцать раз лопатки иль крыла
сводил порыв к свободе неумный,
двенадцать раз, биясь незнаньем темным,
душа любви и мудрости ждала.

Двенадцать раз оленихой, травой,
тигрицей, безнадежно дальним эхом...
Не много ли? Теперь вот человека
узнали вы, негордого собой.

Так вот откуда голос занесен?
Усталым от событий и пророчеств
мерцает и струится между строчек
то знанье, для которого рожден.

Кто я была? Где жизни? Где следы?
В каких участках мозга или кода
запечатлелась прежняя порода,
ущелья, небеса, поля, сады?

И вот теперь, последнее звено
вплетя в окружность дюжины рождений,
мне предстоит, испив блаженной лени,
ступить, не дрогнув, в звездное окно.

В последний раз живу! В последний миг,
как при рождении, жадным, мутным зраком
ширь охватив, ненужной плотью, шлаком
уйду туда, откуда мир возник.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПРОСМОТР

Просмотр. Игра в четыре длани
по длиннозубойфортепяне.
Партнер мой страхом приарканен,
впечатан в черный круглый стул.
Педагогини басовитой,
осанистой и боевитой,
с многозначительною свитой
боимся. Каждый б драпанул!

Как будто некие шпионы,
как будто воры вне закона,
как будто наша роль позорна -
в испарине сидим и ждем.
До замысла ли нам Клементи?
Мы - заблудившиеся дети
на людоедовском банкете.
Еще минута - пропадем.

Ну, все! Итак, мы начинаем,
мы промыслу себя вверяем,
и друг на друга смотрим краем,
краями бегающих глаз.
Но вдруг из пяток иль из почек
возникло то, что в нас хохочет,
что нас очаянно морочит,
до колик потрясает нас.

Страх отзывается вдруг смехом,
что дребезжит, чреватый эхом,
и каждый, был бы человеком -
нас пожалел за этот смех,
что, порожден известным страхом,
нам угрожает явным крахом
и все вот-вот рассыплет прахом -
мы станем дурнями для всех.

Мы сбились к ужасу собранья.
Боимся встретиться глазами,
и наши жалкие старанья
увенчаны (увы!) ничем.
Наш педагог метает громы.
Нам не смешно. Что скажут дома?
Что скажет тот и тот знакомый?
Что мы с ума сошли совсем?

Клементи ж нам сказал, целуя:
“Май за окном давно ликует.
Скажите, дети, алилуйя:
все зеленеет и цветет.
К чему томить себя напрасно?
Вы не для музыки, что ясно.
Она ж без вас вполне прекрасно
на этом свете проживет”.

ДЕВИЦА И КАНТ

Девушка модная и Кант...
Сейчас она его откроет.
Зачем прославленный педант
проник в невзрачный ветхий томик?
Его суровый ригоризм,
ее блестящие капризы
в объятии медленном слились,
молчание звучит репризой.
Опять, опять неравный брак!
Кто ж к таковому их принудил?
Кто был проказник иль чудака,
что воду с маслом слил в сосуде?
Кто был тот мудрый педагог,
что свел в объятии бесплодном
возвышенность седых эклог
с верлибром, как волна, свободным?
Но сигаретный дым влечет
сильней морального закона.
Внезапный получив расчет,
отложен Кант на время оно.
В углу пылится день, другой,
мечтая, может, о свиданьи,
когда мишурное созданье
задремлет над его строкой.

ВАРИАЦИЯ НА ПУШКИНСКИЙ МОТИВ

“Но и любовь мелодия...”

А.С.ПУШКИН, *Каменный Гость*

Представьте двор бакинский.
Жаркий полдень июля
выжигает тень акаций,
которые садовничьим веленьем
на апшеронской почве прижились.
Жужжание лишь мух неугомонных
тревожит в раскаленной тишине.
И кто-то, может, я, леплю вареник
вишневый так прилежно и любовно,
как будто обречен он на бессмертье,

а не на пищевой круговорот.
Вдруг слышу голос зычный: “Гей, Лаура!”
Мой верный друг, мой бешеный любовник,
соседок вызывая возбужденье,
мне со двора кричит.
Тогда готова
была я со стыда хоть провалиться.
А ныне вспоминаю с умилением,
как он ко мне взбежал,
как мы вонзились
друг в друга непрерывным поцелуем.
Ах, где теперь тех яростных объятий
озноб?
И не в моих ли детях
кочует он, по-старому взывая
к безумству?
“Гей, Лаура, отопри!..”

Она лежит на госпитальной койке
безмолвно, вся в повязках и присосках,
старухой жалкой, без души, без жизни.
Лишь в памяти слабеющей мерцает:
“Гей, отопри!

. . .

Я жду тебя, Лаура!..”

БУКЕТ ХРИЗАНТЕМ

Долго в вазе стояли они на столе,
терпеливо замены ждали,
но цветов никто не дарил,
и они
не умирали.